

2010-5
698 →

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Институт всеобщей истории
Центр истории мировой социаль-демократии

Государственный университет гуманитарных наук
Кафедра общественно-политических движений XIX-XX вв.

**СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ**
ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

*Материалы научной международной конференции,
Москва, 21-22 апреля 2008 года*

СОБРАНИЕ

Москва • 2009

И.Б. Орлов

Оценки Октябрьского переворота в меньшевистской печати конца 1917 — начала 1918 г.

Исследуя проблему оценок Октябрьского переворота, сделанных, что называется, по горячим следам, следует иметь в виду несколько существенных обстоятельств.

Во-первых, эти оценки носили не только и не столько конъюнктурный характер, сколько отражали принципиальные установки двух основных направлений российского социал-демократического движения относительно перспектив социалистической революции и сущности нового строя. Так, например, в редакционном предисловии к № 3–6 московского журнала меньшевиков-оборонцев «Дело» за 1917 г. в качестве одной из задач издания была декларирована идейная борьба «с разлагающим социал-демократию и контрреволюционным по существу большевизмом и ленинизмом»¹. При этом бурные события первых послереволюционных недель и месяцев 1917 г. придавали особую остроту и полемичность (нередко излишнюю) прежним теоретическим разногласиям.

Во-вторых, меньшевизм и до Октябрьского переворота, и после него не был монолитным движением, что, в свою очередь, отражалось на оценках большевистского переворота и первых шагов «триумфального шествия советской власти». Сторонники разных моделей дальнейшего развития страны весной–летом 1917 г. оформились в социал-демократические организации «Единство», РСДРП(и), РСДРП(б) и РСДРП(о), причем несовпадение векторов идейно-политического и организационного размежевания отражало незавершенность процесса политического структурирования Российской социал-демократии².

В-третьих, вскоре после объединительного съезда (август 1917 г.)³ уже осенью внутри российской социал-демократии произошла существенная перегруппировка течений. Например, «революционные оборонцы» (И.Г.Церетели, М.И.Либер, Ф.И.Дан) перешли фактически на позиции крайних «оборонцев» (А.Н.Пот-

ресов), сблизившись с организацией «Единство». В свою очередь, меньшевики-интернационалисты отказались от поддержки «революционных оборонцев», хотя и не стали разрывать организационные связи с РСДРП(о), а независимые (объединенные) социал-демократы взяли курс на создание новой социал-демократической партии. Все это не могло не сказаться на оценках Октябрьского переворота и его последствий.

Очевидно и то, что логику политического поведения меньшевиков невозможно понять без анализа их общих представлений о характере революционного процесса в России. Все течения меньшевизма в этот период исходили из того, что страна переживает буржуазно-демократическую революцию. Материалы периодической печати показывают, что для правого меньшевизма одной из главных проблем через несколько месяцев после Февральской революции оставалась взаимосвязь политической и социальной революции в России. Так, автор меньшевистской программы муниципализации П.П. Маслов летом 1917 г. ограничивался рассуждениями о перераспределении национального дохода между классами и производительных сил между различными отраслями промышленности в рамках сохранения капиталистического строя. Механизмом достижения этих целей выступало «давление демократии» на государственную власть⁴. По мнению ведущего меньшевистского экономиста, «пролетариат, завоевавший для страны политическую свободу, не может оставаться у власти, поскольку все основы капиталистического строя этому противоречат». Конечно, трудно было «предвидеть размах русской революции», однако Маслов указывал «не только на невозможность в настоящий момент социалистического переворота, но и на крайние затруднения сохранить сделанные социально-политические завоевания». Причины такого его пессимизма объяснялись, прежде всего, экономической разрухой и безработицей, затрудняющими организацию производительных сил страны⁵.

Против максималистских оценок перспектив развития революции большевиками и меньшевиками-интернационалистами выступила и член ЦК правооборонческого «Единства» Л.И. Ортодокс. Она исходила из того, что социалистическая революция предполагает высокую степень экономического развития страны и сосредоточение в пролетариате революционных интересов общества⁶. Лидер правого крыла партии А.Н. Потресов также был довольно пессимистичен в оценках перспектив русской революции, говоря об опасности ее «катастрофического

обрыва». Призывая «вести в границы безудержный полет революционной фантастики», он предлагал присмотреться к «самобытности» русского революционного процесса и, выявив его определяющие черты, «попытаться установить вместе с тем предел возможного развития этого процесса»⁷. Теоретика оборончества пугали полуазиатчина и анархическое бунтарство, а также отсутствие в русском народе «начал того общественного, планомерного строительства, которое и создает предпосылку государственного строительства общественными силами»⁸.

Исходя из этих «минималистских» установок, один из сотрудников журнала «Дело» П. Саломатин уловил негативные тенденции развития русской революции, прежде всего, «в ярких демагогических лозунгах типа «Власть народу!», в противопоставлении трудового народа... интеллигенции, самозахвате крестьянами земли, требованиях рабочих непрерывного повышения зарплаты, взаимном недоверии города и деревни, хаосе и митинговщине». Он сетовал на то, что «общее дело вдруг стало никому не дорого», но не терял оптимизма: «Никто не вправе сказать, что мы нация одряхлевшая, изжившая себя и потому распадающаяся по закону естества — вернее, наоборот, мы только вступаем в настоящую жизнь, тая запасы неистраченной энергии и юной силы и бодрости»⁹.

Для меньшевиков-оборонцев, сплотившихся вокруг журнала «Дело», было очевидно, что «всякая революция в условиях развития капиталистического строя имеет международный характер». Речь шла, прежде всего, о том, что «русская революция «зажжет пожар» всемирной социалистической революции...»¹⁰. Впрочем, с угочнением, что революция в одной стране может только ускорить внутренние процессы в другой стране, а не заменить их. Так, один из лидеров профсоюзного движения В.О. Левицкий не видел «объективных предпосылок социалистического строя в военно-государственном социализме Германии». По его мнению, мировая война не приблизила Европу к социализму, а наоборот, отбросила ее, с точки зрения развития производительных сил, назад. Но «научные социалисты» никогда не мыслили «равенства в нищете», а «надежную гарантию успеха борьбы за социалистический идеал они видели в развитии производительных сил буржуазного общества»¹¹. При этом Левицкий полагал, что русская революция способствует демократизации политического строя Германии и Австро-Венгрии, всей сферы международных отношений и возрождению Интернационала, бросив призыв к созда-

нию после войны демократической Европы и создав «почву для мирного сожительства культурных народов мира»¹².

Что касается позиции меньшевиков-объединенцев (Р.А.Абрамовича, Б.И.Горева, Ф.И.Дана, М.И.Либера, А.С.Мартынова и др.), то орган ЦК РСДРП(о) «Рабочая газета» в сентябре-октябре 1917 г. также подняла ряд важнейших вопросов развития русской революции. В частности, корниловский мятеж выдвинул на первый план создание правительства, которое бы одинаково стояло как на страже завоеваний революции внутри страны, так и на страже страны извне. Другими словами, речь шла о формировании общенационального правительства, способного довести страну до Учредительного собрания¹³. В связи с этим Б.И.Горев сетовал, что после корниловского заговора вновь поднимает голову «большевистский авантюризм» с его идеями диктатуры пролетариата и контроля рабочих организаций над банками и производством, что неизбежно приведет к «прочному торжеству контрреволюции»¹⁴. Поэтому меньшевистские публицисты выступали против большевизации Советов, несущей в себе, по их мнению, опасность изоляции «передовых отрядов революционной армии» и открытого столкновения с «враждебными демократии силами»¹⁵. Они считали, что «для Ленина и его сторонников лозунг «Вся власть Советам!» — «лишь компромиссная формула», выдвигаемая до того, «пока пробьет час для «чистой» диктатуры пролетариата». Да и сами Советы, по их мнению, не охватывали всей демократии — ведь были еще городские думы, земства, профсоюзы, кооперация и пр. Поэтому при решении вопроса о власти предлагалось апеллировать «ко всей организованной демократии»¹⁶. Не случайно, одна из газетных заметок так и называлась: «Единство демократии — спасение революции»¹⁷. В качестве такого центра объединения всех демократических сил рассматривалось Учредительное собрание, хотя нельзя сказать, что меньшевики уповали на него как на панацею от всех социальных болезней. В частности, В.Майский (И.М.Ляховенцкий) в середине сентября 1917 г. писал о необходимости широкой программы социальных реформ (Хартии социальных вольностей), которые должны обеспечить «минимум условий человеческого существования» для пролетариата — законодательное введение 8-часового рабочего дня и минимальной заработной платы, свободу коалиций и страхование от безработицы, причем эти меры предлагалось проводить срочно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания¹⁸.

* * *

Еще более широкий спектр оценок меньшевиками российской революционной действительности демонстрирует период осени 1917 — весны 1918 г. Однако при всем различии точек зрения правого и левого меньшевизма были положения, с которыми не спорили обе стороны. Так, после Октябрьского переворота меньшевики отказались войти в Совнарком. 25 октября на заседании II съезда Советов была зачитана декларация фракции РСДРП(о), где говорилось, что партией большевиков «именем Совета за спиной всех других партий и фракций» был осуществлен военный заговор. При этом захват власти ленинцами оценивался как дезорганизация и срыв советской организации, ввергающие страну в междоусобицу и грозящие военной катастрофой. Одним из пунктов декларации была установка на переговоры с Временным правительством об образовании «власти, опирающейся на все слои демократии». Поэтому фракция РСДРП(о) снимала с себя всякую ответственность за действия большевиков, «прикрывающихся советским знаменем», и покидала съезд¹⁹. Однако далеко не все меньшевики были сторонниками линии ЦК на безоговорочный отказ от участия в работе съезда. В частности, меньшевики-интернационалисты и «новожизненцы» свой уход со съезда связывали с отказом последнего от образования нового органа власти из представителей всех социалистических партий. Впрочем, убедившись, что съезд идет за большевиками и расценивая создание СНК как путь к поражению революции, левые меньшевики в конце концов тоже покинули съезд²⁰.

Если 29 октября ЦК РСДРП(о) признал недопустимым любое соглашение с ленинцами «до полной ликвидации большевистской авантюры», то после поражения «мятежа» Керенского-Краснова руководство меньшевиков уже высказалось за «соглашение» с большевиками. Правда, смысл такого «соглашения», сформулированный Ф.И.Даном, заключался в том, чтобы заставить большевиков отказаться от власти Советов и признать равноправие всей демократии. При этом левоцентристское руководство партии питало надежды на раскол в РСДРП(б)²¹, тогда как правое меньшинство партии, не желавшее отказываться от «подавления» большевиков любыми способами, 1 ноября вышло из ЦК РСДРП(о).

Тем не менее оценки Октября оставались главным камнем преткновения в отношениях между большевиками и меньшевика-

ми. Ведь последние увидели в Октябрьских событиях не завершение освободительной борьбы трудящихся, а военный переворот, утвердивший большевистскую диктатуру, хотя Мартов, оценивая Октябрь как катастрофу, тем не менее признавал ее неотвратимость, поскольку за большевиками пошло большинство рабочих. Отсюда и его тактика «умывания рук» и отхода в сторону, о чем он с горечью писал П.Б.Аксельроду 19 ноября²².

На состоявшемся в Петрограде 30 ноября — 6 декабря 1917 г. чрезвычайном съезде РСДРП(о) были представлены все течения — от интернационалистов до группы Потресова. Причем сторонники Мартова были даже в большинстве. Несмотря на все теоретические разногласия²³, резолюция съезда о единстве партии включала в себя следующие принципиальные положения:

- переживаемая революция не может осуществить социалистическое преобразование общества, так как началась не с передовых капиталистических стран, а в России, где производительные силы стоят на низкой ступени развития. В силу чего все попытки направить революцию по пути осуществления социалистического строя «обречены на неизбежное крушение»;

- границы революции определяются «коренной демократической организацией общественного строя», которая должна освободить «скованные производительные силы» и тем самым создать почву «для всестороннего развития капитализма, подготавливающего необходимые предпосылки для социалистической революции»;

- осуществление задач демократической революции достижимо «лишь сочетанием сил пролетариата и городской и сельской мелкобуржуазной демократии», что позволит избежать подмены власти всей демократии диктатурой меньшинства;

- захват власти большевистской партией стал возможен потому, что революция не удовлетворила потребности широких масс в ликвидации войны, передаче земли крестьянам и регулированию хозяйственной жизни страны;

- но методы, которыми готовился и осуществлялся Октябрьский переворот, и «те утопические цели, которые ставит себе большевистская партия» создали непримиримые политические и социальные противоречия;

- в силу этого «политика произвола и насилия» привлекает к себе темные элементы и подготавливает контрреволюцию²⁴.

Действительно, можно говорить о полной несовместимости всего происшедшего в России во время революции с понима-

нием лидерами меньшевиков гуманности и нравственных принципов цивилизованного общества. Например, лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О.Мартов в письме к Н.Кристи 30 декабря 1917 г. объяснял, почему он не может принять того, что произошло в России: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием классовой борьбы, которое порождается, конечно, тем самым фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»²⁵.

Документы свидетельствуют о двойственном отношении меньшевиков к большевистскому перевороту. Если одни выступили яростными противниками новой власти, создавая Комитеты общественного спасения, то другие (в их числе был и Мартов) колебались, не зная, как им поступить и считая невозможным для социалиста решать вопрос о власти силой оружия²⁶. Еще 26 октября 1917 г. в «Рабочей газете» Мартов утверждал, что «среди членов ЦИК нет ни одного, который бы отрицал право пролетариата на восстание». Однако в тот момент, по мнению лидера меньшевиков-интернационалистов, ситуация этому не благоприятствовала. Кроме того, меньшевикам претили методы, которыми большевики стремились к власти. Впрочем, Мартов надеялся, что следом за периодом разрушения всякая революция должна переходить к созиданию²⁷. Исходя из факта политического поражения собственной партией²⁸, левое крыло меньшевизма не становилось в оппозицию большевикам ради самой идеи оппозиции. Оставаясь в рамках советской легальности, они сочетали критику с поддержкой отдельных мероприятий режима²⁹.

Поэтому уже в начале января 1918 г. левоцентристский сектор меньшевистского движения достаточно твердо отмежевался от правых социалистов с их «самой распространенной иллюзией наших дней» — «единым социалистическим фронтом». В редакционной заметке «Забайкальского комсомольца» от 5 января предрекался конец «головному социализму» как «доверенному лицу буржуазии», имеющему «столько же общего с действительным социализмом, сколько буржуазия с демократией»³⁰. Не случайно один из корреспондентов газеты весьма положительно расценивал закрытие ряда меньшевистских газет («Единства», «Рабочей газеты», «Дела рабочего» и др.), которые создавались «словно со специальной целью — для травли большевиков». Автор заметки

оправдывал действия властей тем, что эти газеты занимали «откровенно соглашательскую позицию», тогда как большевики никогда не отступали «с линии непримиримой классовой борьбы пролетариата с капиталом»³¹.

Впрочем, представители умеренного меньшевистского крыла сомневались, что «крайне левые» — наиболее последовательные революционеры. Для них политика «господ сегодняшнего дня» — большевиков была политикой «погромщиков, рыцарей с большой дороги, в лучшем случае анархистов»³². Поэтому в резолюции ЦК РСДРП(о) о закрытии «Рабочей газеты» звучал призыв к партии организовать движение протеста против произвола большевиков³³. В частности, представитель Читинской организации РСДРП(о) А. Архангельский выступил против претензий одного класса «на исключительную ценность в общественном производстве» и на неограниченную никем власть, подчеркивая, что такая диктатура ведет к застою самого господствующего класса³⁴. А орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о) газета «Жизнь» задавалась вопросом: «Скоро ли придет конец самодержавию штыка?». Выросший, «как гнойная рана на теле революции», большевизм оценивался как «теория погони за настроениями масс, невыполнимых обещаний, фальшивых политических векселей». Это, по мнению меньшевиков-объединенцев, предreshало судьбу революции, которая «скоро должна будет пасть»³⁵.

А. Н. Потресов сразу после Октябрьского переворота утверждал, что «старуха история» не знает «всемирно-исторического мошенничества, которое могло бы сравниться с грандиозностью октябрьского ... предприятия большевиков». В этом политическом перевороте он увидел «доведенное до последних пределов умение втирать очки тому народу, который якобы является хозяином в стране». Но реально в советской России, по его мнению, «хозяйничает штык» и пролетариатом не пахнет нигде, а «пахнет всюду гарнизоном», перед которым и отчитываются новые «комиссары»³⁶. Для оборонческого крыла меньшевизма было очевидно, что большевики делают все для того, чтобы «вытравить из души масс все человеческие чувства» и бросить их «на самое дно нравственного падения»³⁷. В частности, видный деятель профсоюзного движения С. М. Шварц критиковал воззвание Петроградского ВРК, в котором звучала угроза уморить голодом «богатые классы и их приспешников», то есть всех, кто не подчинится «ленинским насильникам». Эта «дикая угроза», по мнению бывшего заведующего отделом социального страхования Министерства

труда, была призвана подготовить население к мысли, что виновником продовольственной катастрофы являются саботирующие советскую власть служащие различных учреждений, хотя их забастовка имела своей целью не остановку работы государственно-аппарата, а «недопущение узурпаторов к правительственному механизму». У большевиков же произошла подмена понятий «забастовка» и «саботаж»³⁸.

Политику большевистской партии, по мнению читинского меньшевика-объединенца Мошковского, можно было расценивать как политику «черной сотни» и контрреволюции, опирающуюся на террор и «вооруженную солдатскую силу, лишенную всякого классового сознания». Таким образом, для правых меньшевиков не вызывал сомнений солдатский характер большевистского переворота, который тайно, «как воры в ночи», совершили войска под командованием «своих вождей». Но ведь солдаты, писал Мошковский, не составляют класса, а представляют собой деклассированную массу, объединенную «шкурным интересом» (прежде всего, желанием немедленного заключения мира) и требующую «хлеба и водки». Между тем народная революция совершается не войсками, а самими народными массами. Итогом того, что в революции доминировал «русский деклассированный люмпен-пролетарий», стало воцарение «Троцколенина»³⁹.

По мнению оренбургских меньшевиков, успех большевиков объяснялся «главным образом недовольством масс продолжительностью войны, голодом и простотой лозунгов». Они выдали военный заговор за революцию, а полицейский террор — за социализм. Но вместо всеобщего демократического мира страна получила гражданскую войну, вместо хлеба — голод, а вместо отмены смертной казни — самосуды⁴⁰. Одно из самых опасных последствий большевистского восстания оренбургские социал-демократы видели в успехе кадетов, которых большевики вытаскивали на поверхность «своим терроризмом, своим полицейским социализмом»⁴¹.

В передовице одного из январских номеров «Забайкальской рабочей газеты» критиковались «социалистические эксперименты» и последствия их проведения: «В ходе революции и особенно в последние месяцы и настоящий момент рабочие массы попали в положение изолированной части населения, против которой враждебно настроено все остальное население страны». По мнению авторов передовицы, «большевизм и рабоче-крестьянское правительство оказали медвежью услугу пролетариату», делая

все под его флагом. Но при этом большевикам удалось привлечь на свою сторону лишь часть рабочих — самых темных, отсталых, недавно влившихся в пролетарскую среду, то есть полупролетариат. Близка к этому слою была и солдатская масса, в умах которой социалистический переворот означал захват, раздел и разрушение⁴².

По оценкам представителей умеренного меньшевистского крыла, в 1918 г. Россия вступила под знаком полного распада: «Мнимосоциалистическая политика большевистской власти», сводящаяся в конечном счете к «полному разрушению хозяйственного организма государства и к расхищению национального богатства методами насилия и террора, необычно ускорила и обострила этот процесс политического распада России». Большевики, будучи на словах сторонниками права наций на самоопределение вплоть до отделения, «на деле пытаются восстановить государственное единство кровью и железом» в рамках республики Советов. Но подобная политика, по мнению авторов, сама порождает распад государства и вела к появлению нового Бонапарта⁴³.

В начале 1918 г. большевики продолжали цепко держаться за власть, хотя у нижегородских меньшевиков-объединенцев не вызывало сомнений, что политика большевиков ведет к «полному банкротству страны»⁴⁴. Сложившаяся система большевистского государственного управления позволяла, по мнению меньшевиков, «мошеничеству развиваться до небывалых размеров», поскольку ответственность нового начальства опиралась на принцип «не пойман — не вор». Таким образом, в России происходила не революция, а «бесшабашный разгул» люмпен-пролетариата, сопровождаемый процессом разложения большевистской власти⁴⁵. Весь парадокс, по утверждению А.Заходера, состоял в том, что большевики проводили «опыты введения социализма», но при этом достигали обратных результатов, так как «социализм мыслим лишь на определенном материальном фундаменте», а крупную промышленность нельзя создать декретами о национализации⁴⁶. Поэтому очевидно, что «декретный социалистический строй» не является источником социализма⁴⁷.

Впрочем, начало 1918 г. стало периодом не только острой критики большевистского режима, но и временем поиска путей дальнейшего развития революции. Орган забайкальских меньшевиков-интернационалистов «Забайкальский рабочий» признавал, что «в настоящее время сказалась ошибка, которая делалась

социалистическими партиями в своей агитационной и пропагандистской работе», когда мало внимания уделялось переходному периоду, «в течение которого будет происходить крушение капиталистического и установление социалистического строя». Для авторов заметки для этого было мало одной Красной гвардии. Они предлагали собрать «иную гвардию — организаторов, которая не с ружьем, а с пером и карандашом в руках будет разрабатывать план, для каждой местности особый, осуществления социализации или национализации всего, из чего и при помощи чего создаются новые ценности». В этих целях предполагалось создать соответствующий властный орган — Мобилизационный отдел Главного штаба революции⁴⁸.

Однако в целом в меньшевистской печати разных оттенков критика итогов революции и большевистской диктатуры, несомненно, преобладала над размышлениями о дальнейших путях развития революционного процесса. Не очень изменилась в этом плане ситуация и к весне 1918 г. Так, петроградская газета «Вечер», в лице историка и публициста С.Б.Любоша позиционировавшая себя как «независимая от партийных пристрастий»⁴⁹, яростно нападала на новую власть, взявшую на вооружение тезис о необходимости в России порядка, дисциплины и армии, еще недавно оценивавшийся «в устах “антрепренеров всемирной революции” как буржуазный или даже контрреволюционный. Впрочем, для автора одной из заметок такой поворот знаменовал «начало общего оздоровления и выздоровления», даже если эти слова — «лишь одна демагогия» в интересах укрепления власти. По его мнению, «кончился процесс “углубления революции” до «пределов безумия и анархии». Тем самым «революция входит в берега, а первым шагом к восстановлению «разрушенной храмин» должно стать «оздоровление народной души»⁵⁰.

«Мы стали у поворотного пункта революции, и куда будет наш путь дальше, мы не знаем», — вот довольно распространенная позиция социалистической и социал-демократической печати умеренного толка того времени. С другой стороны, на страницах меньшевистских газет сквозила уверенность в том, «что до реставрации дело не дойдет». Например, К.Оленин полагал, что в условиях, когда «революция у тупика» и когда даже большевики убедились в том, что настало время для творчества и созидания и осталось только признать со стороны власти, что творчество невозможно из-под палки, спасти революцию могут «только труд, только творчество и инициатива трудовой интеллигенции»⁵¹.

Корреспондентов «Вечера» возмущало, что на деле власть сплошь и рядом прибегает к политике террора: «Сначала скромная, у истоков своих лепетавшая идиллическим ручейком, кровожадность к текущим дням, словно к устью, приобретает неслыханный размах». Не справилась власть и со своими обещаниями накормить население: «Революция переливалась снятым молоком в кисельных берегах из подмоченной и выданной на карточки картофельной муки»⁵². В журнале «Барабан» появилась типичная для оппозиционной социал-демократической печати карикатура, где два «героя дня» сидят на штыках с надписью: «Власть, опирающаяся только на штыки, не всегда чувствует себя уютно»⁵³.

И это были отнюдь не только настроения столичной социал-демократии. Например, донские меньшевики-объединенцы в марте 1918 г. главным врагом революции считали апатию масс, которая «служит верным признаком поражения того общественного класса, который ею охвачен», то есть русского пролетариата⁵⁴. Меньшевики никогда не мыслили торжества социалистических идеалов «путем штыка и пулемета», ибо социализм для них — «это изъявление воли большинства прежде всего», ибо «научный социализм предполагает социализацию общества как глубокий и длительный процесс развития производственных сил и отношений». Ведь еще до октября 1917 г. меньшевики предупреждали, что революция в России «при всех объективных условиях не может быть социалистической. Она может быть только политической и только буржуазной»⁵⁵. В их глазах современный «социализм», поставленный большевиками «на голову», на практике означал «превращение общественной собственности в частную», что наглядно показала судьба кооперативов, чью продукцию распродавали задешево решениями местных Советов⁵⁶.

В начале лета 1918 г. реалии большевистского правления проявились для меньшевиков еще более явственно: «Вот она политическая диктатура пролетариата — голод, произвол, расстрелы открытые белым днем и расстрелы по закоулкам темной ночью». Трансформация советского режима так же четко определена: «Выделенное рабочими правительство превращается в правительство над рабочими... по образцу буржуазному и самодержавному»⁵⁷.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что противоречия между большевиками и меньшевиками были обусловлены, в первую очередь, тем, что первые считали, что достичь главных целей социалистов можно в основном революционно-насильствен-

ными методами и средствами, тогда как вторые отстаивали путь эволюционно-демократический. Немаловажную роль в столь негативных оценках большевистского переворота и режима сыграл отказ большевиков от плодотворного сотрудничества с демократическими силами вообще и меньшевиками в частности, которые к маю 1918 г. насчитывали в своих рядах еще около 60 тыс. членов. В конце апреля 1918 г. был закрыт орган ЦК РСДРП газета «Вперед», а в мае-июне местные меньшевистские органы («Южный рабочий» в Одессе, «Социал-демократ» в Харькове и др.) постоянно подвергались репрессиям. Наконец 14 июня 1918 г. решением ВЦИК меньшевики и эсеры были исключены из Советов всех уровней, хотя и не были объявлены (как кадеты) «врагами народа»⁵⁸. Несмотря на все идеологические и политические разногласия, большевики оставляли для рядовых членов меньшевистских организаций возможность сотрудничества с Советской властью, тем более что возглавляемые Мартовым левые меньшевики не верили в скорое падение большевистской диктатуры и считали возможным демократизировать советскую систему.

Что касается внутреннего состояния меньшевистской партии, то, несмотря на все тактические зигзаги, и левые, и правые меньшевики до лета 1918 г. последовательно отстаивали лозунг Учредительного собрания, разгон которого расценивался как преступление против революции. Объединяющей послеоктябрьской меньшевизм идеей оставалась и демократия, на которую возлагались надежды на спасение страны от гражданской войны и утопических экспериментов большевистской диктатуры.

¹ Дело: Социал-демократический, научный и общественно-политический журнал. 1917. № 3–6. С. 3.

² Подробнее см.: Лафионова И.Л. Московская объединенная организация РСДРП и идейно-политическое размежевание в рядах российской социал-демократии (март 1917 — январь 1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 14–19.

³ Впрочем, съезд скорее декларировал единство РСДРП, так как на нем четко определились два направления в политике меньшевистских групп. Одно из них ориентировалось на коалицию с либералами, а другое отстаивало идею однородного социалистического правительства.

⁴ Маслов П. Политическая или социальная революция? // Дело. 1917. № 3–6. С. 6–9.

⁵ Там же. С. 15–16.

⁶ Ортодокс Л. Революция и догматизм // Там же. С. 17–18. 24.

- ⁷ Потресов А. Роковые противоречия русской революции // Там же. С. 118.
- ⁸ Там же. С. 122.
- ⁹ Саломатин П. Родные картины // Там же. С. 109–110, 111.
- ¹⁰ Левинский В. Русская революция и будущее Европы // Там же. С. 93–94.
- ¹¹ Там же. С. 95.
- ¹² Там же. С. 96–97, 102.
- ¹³ Перед решением // Рабочая газета: Орган ЦК РСДРП(о). Пг., 1917. 1 сентября. С. 1.
- ¹⁴ Грив Б. Заколдованный круг // Там же.
- ¹⁵ Опасный перелом // Там же. 10 сентября. С. 1.
- ¹⁶ Советы и демократия // Там же. 15 сентября. С. 1–2.
- ¹⁷ Единство демократии – спасение революции // Там же. 21 сентября. С. 1.
- ¹⁸ Майский В. Неотложная задача // Там же. 19 сентября. С. 1–2.
- ¹⁹ Цит. по: Овруцкий Л., Фельштинский Ю., Миллер В. Проигравшие? // Родина. 1990. № 7. С. 72–73.
- ²⁰ Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С. 33–34.
- ²¹ См.: Рабочая газета. 1917. 5 ноября.
- ²² См.: Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Указ. соч. С. 36.
- ²³ Более того, правые оборонцы отказались войти в новый ЦК РСДРП(о), что на практике свело решение о единстве партии к бумажной декларации, хотя расхождения между меньшевистскими группировками в то время не носили программного или стратегического характера, а сводились к методам борьбы с большевистским режимом.
- ²⁴ См.: Забайкальская рабочая газета: Орган Читинской организации РСДРП(о). 1918. 6 янв. С. 2–3.
- ²⁵ Цит. по: Урилов И.Х. Из истории российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1: Источниковедение. М., 2000. С. 120.
- ²⁶ Об этом, в частности, свидетельствуют письмо Мартова П.Б. Аксельроду от 19 ноября 1917 г. См.: Мартов Ю.О. Письма 1916–1922 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Вепсон, 1990. С. 14.
- ²⁷ Урилов И.Х. Указ. соч. Ч. 2. Историография. М., 2001. С. 260, 262.
- ²⁸ Факт поражения признавался в опубликованном 19 ноября 1917 г. обращении 11 меньшевиков-интернационалистов – членов и кандидатов в члены ЦК РСДРП.
- ²⁹ Более того, в 1919 г. Мартов, ободренный активизацией революционного движения в Европе, признал, что всякая национальная революция, порожденная мировой войной, неизбежно передает власть в руки пролетариата. (См.: Мартов Л. Предисловие // Нэн Ш. Диктатура или демократия. Адлер М. Проблемы социальной революции. Харьков, 1919. С. 5.)
- ³⁰ Забайкальский рабочий: Орган Забайкальского комитета интернационалистов РСДРП. 1918. 5 января. С. 1.
- ³¹ И. По поводу «Единства» // Там же. 27 января. С. 1–2.

- ³² Мошковский. О крайне левой // Забайкальская рабочая газета: Орган Читинской организации РСДРП(о). 1918. 6 января. С. 2.
- ³³ Рабочая заря: Орган Оренбургской организации РСДРП(о). Оренбург. 1917. 26 нояб. С. 2.
- ³⁴ Архангельский А. Демократия и государственная власть. Диктатура пролетариата // Забайкальская рабочая газета. 1918. 17 (4) февраля. С. 2–3.
- ³⁵ Скоро ли придет конец самодержавию штыка? // Жизнь: Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о). Н. Новгород. 1918. 3 янв. С. 1.
- ³⁶ Потресов А. Кто в дураках? // Рабочее дело: Вечерняя газета: Орган петроградских меньшевиков-оборонцев. Пг., 1917. 10 ноября. С. 2.
- ³⁷ Распоясавшийся хам // Там же.
- ³⁸ Шварц С. Открытое письмо Петроградским организациям // Там же.
- ³⁹ Мошковский. О крайне левой // Забайкальская рабочая газета. 1918. 6 января. С. 2.
- ⁴⁰ Бейрах Е. Народные выборы – народный суд // Рабочая заря. Оренбург. 1917. 24 ноября. С. 2.
- ⁴¹ Из огня да в полымя // Там же. С. 1.
- ⁴² Забайкальская рабочая газета. 1918. 24 января. С. 1.
- ⁴³ Там же. 28 января. С. 1.
- ⁴⁴ Жизнь: Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП(о). Н. Новгород. 1918. 18 янв. С. 1.
- ⁴⁵ Там же. 19 янв. С. 1.
- ⁴⁶ Заходер А. Приблизились ли мы к осуществлению социализма? // Там же. 20 января. С. 1.
- ⁴⁷ Лебедев Н. Социализм и рост классового сознания пролетариата // Рабочая жизнь. М., 1918. 24 июня. С. 1.
- ⁴⁸ Забайкальский рабочий. 1918. 28 янв. С. 1.
- ⁴⁹ Любош С. Кто мы? // Вечер. Пг., 1918. 13 (26) марта. С. 3.
- ⁵⁰ I.A.K. Перед выздоровлением // Там же.
- ⁵¹ Оленин К. На повороте революции // Там же. 1918. 14 (27) марта. С. 3.
- ⁵² Август. Простая арифметика // Там же.
- ⁵³ См.: Мист К.В. Революционный юмор // Там же. 16 (29) марта (№ 4). С. 4.
- ⁵⁴ Новый враг революции // Рабочее слово: Орган Донского комитета РСДРП(о). Ростов н/Д, 1918. 20 (7) марта. С. 2.
- ⁵⁵ А.Б. От «коммунизма» к пугачевщине // Там же. 22 (9) марта. С. 2.
- ⁵⁶ Д. Жертвы «социализма» // Там же. С. 3.
- ⁵⁷ Миллих Н. Снова расстреливают // Рабочая жизнь. 1918. 24 июня. С. 1.
- ⁵⁸ Во многом это решение было спровоцировано деятельностью самих меньшевистских организаций, особенно в провинции, однако прямое обвинение меньшевиков в организации вооруженных восстаний не соответствовало действительности.